

ЛОГИКА ХАОСА И ПОРЯДКА: ОПЫТ ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННОСТЬ

Актуальность. Нестабильность как лицо современности в вариантах человеческого бытия и художественного творчества порождает массу вопросов, связанных с осмыслением момента и поэтикой новых художественных форм. Ни мыслительный акт человека, ни его поведение, ни творчество не укладываются в систему традиционных норм, представлений и понятий. Это порождает отчаяние, недоумение и отрицание самой возможности обнаружить в хаосе зачатки хотя бы относительной стабильности. Между тем, проблемой кризиса, хаоса и самоорганизации материи; проблемой переориентирования и формирования «нового порядка из хаоса» занимаются современные синергетики. И.Р.Пригожин и его последователи достигли многого: нетрадиционно-постклассическое теоретизирование в области диссипативных систем дает (и уже дало) свои результаты – рассмотрены и обобщены процессы нелинейной динамики, разворачивается система представлений о нелинейности течения времени в процессах эволюции и коэволюции, о нелинейной природе связей между прошлым, настоящим и будущим [см.: 1,3,5,6,7,8]. В данной работе обобщены наиболее показательные аспекты мышления человека в ситуации нестабильного времени. Материал, почерпнутый из области философской синергетики, существенно дополнен за счет наблюдений и обобщений Вяч. Иванова и С.Н.Булгакова [2,4], писавших о «сломе сознания» своих современников, живших в период дегуманизации и дестабилизации I трети XX века.

Обобщения, объясняющие природу хаоса. «Хаос изначален. Таковы уж вещи по природе, что их поведение пронизано случайностями, спонтанно, в значительной мере непредсказуемо, хаотично [7, 147]. Даже в мифологии хаос похож на бездну и разверзнутую пропасть, «изначальную темноту, глубинную нерасчлененность и недифференцированность» [7, 148]. Но синергетика дополняет давно сказанное следующими наблюдениями:

«... хаос многолик. Он может выступать не только как нечто разрушающее, угрожающее, связанное болезнью, преступлением, стихийным бедствием, но и как нечто конструктивное для жизни и творчества. Эту амбивалентную – созидательную и разрушительную – природу хаоса раскрывает, в частности, А.Ф.Лосев...» [7, 148]. Дополнительным утешением может служить и следующее высказывание: хаос – это «виртуальный мир, мир кишащих потенциалов, бездна потаенных возможностей мира» [7, 148]. Уяснив данное положение вещей, перейдем к следующему витку познания диссипирующих систем.

Хаос всегда соседствует с порядком, поэтому синергетика занимается хаосом и порядком, возникающим в результате самоорганизации материи. Ее интересует:

1. Созидающая роль хаоса.
2. Выпадение в хаос как способ выхода из тупика.
3. Организующая случайность, способная творить чудеса (например, фракталы).
4. Хаос как начало установки новых связей.
5. Хаос как способ прерывания контроля и перехода к самоуправлению сложной системы [7, 152-153].

Уже эти, перечисленные проблемы, дают возможность понять, что постклассики, а в данном случае синергетики, видят в хаосе изначальные потенциалы порядка и преобразовательной энергии. Если же мы говорим о творческом акте, то переход от порядка к хаосу, от симметрии к асимметрии и обратно как способ рождения новой красоты, безусловно, всегда имеет место в тот момент, когда начинается переориентирование и выработка нового эстетического кода.

Человек в ситуации нестабильности. Он, в первую очередь, подвержен турбулентности космических вихрей. Если же мы решаемся говорить о человеческих отношениях в ситуации кризиса и переходности, то, пишет В.Г.Буданов, их можно назвать крайне «нелинейными», то есть неоднозначными и, в общем, «пульсирующими». Эту закономерность объясняют психологи: в моменты прогрессирующего кризиса и обозначившего себя хаоса, говорят они, обостряются «границы чувств» (эмоций и страстей), вблизи которых поведение человека становится «неадекватным». Неожиданными и непрогнозируемыми, не подпитанными привычной логикой, выглядят в

такие времена и решения, принимаемые человеком, большую роль в жизненных перипетиях играет случайность [1, 49-57]. Главной фигурой периодов нестабильности и перехода из одной системы мировидения в иную становится «человек растерянный».

Таким персонажем (и в жизни, и в искусстве) управляют «следы памяти». Они объясняют попытку человека периода нестабильности опереться на прошлое. Это прошлое «самовсплывает» и «самопроявляется». Что это значит? Это означает циклическое возвращение на структурирующий аттрактор (то есть стягивание в одной точке и в одно целое случайных объектов) – того, что уже было, но в странном для сегодня варианте сочленения. В общем, очень часто в нашей современной жизни «непроявленное» (или, как говорят психологи, «тонкое», следы прежних процессов) «вновь становится проявленным, осязаемым и видимым, глубоко скрытое выходит на поверхность...». Но все дело в том, что прошлое начинает резонировать с сегодняшним днем, а долгорезонирующий объект всегда чреват раздражением и взрывом [6, 144]. Конечно же, человек, поддерживающий в себе резонансные вибрации, ощущает себя «не у дел» и, пытаясь выправить ситуацию, бросается в иную крайность – извечному ценностному ряду он предпочитает сиюминутную правду.

Большую роль в поведенческом и эстетическом коде начинает играть подсознание. Многим кажется, говорят психологи, что «ушедшие в подсознание (то есть в другой, медленный темп мир) инстинкты, автоматизмы, огромные блоки чувственной и понятийной информации, никак не влияют на сознательную жизнь человека...». Но это не так, «колебания, ставшие сутью жизни, искривляют и эти представления» [6, 141]. Можно сказать, что коррекция давно увиденного, исходя из опыта сегодняшнего дня, происходит все по тому же принципу «самовсплывания структур памяти» [6, 140-144]. Тогда и заявляет о себе «смежное» сосуществование структур, которые «как бы живут в разных темпомирах» [6, 140]. Да, они сосуществуют, но... «не чувствуя» друг друга» [6, 140]. И если даже человек попадает в ситуацию, когда он вынужден «накладывать» давно ушедшее на сиюминутное, то констатация факта – «темпомиры разные» в этом случае все равно неизбежна [6, 140].

Мировидение и мироощущение человека в мире, утратившем линейные ориентиры. Попав в нелинейные отношения с миром, человек оказывается в цепи бесконечной циклической причинности. В книге Е.Н.Князевой и С.П.Курдюмова «Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции» (2007) относительно данной проблемы сделаны следующие выводы.

1. «Человек как микрокосм представляет собой синтез предыдущих стадий развития», поэтому в ситуации хаоса ему свойственно активизировать данные «памяти разной глубины» – и, конечно же, хранящей не только положительный опыт [7, 177, 178].

2. «... человек в своих процессах восприятия и мышления сейчас не столько отражает окружающий мир, сколько творит, конструирует его». А поскольку, как говорил Франциско Варела, «не только познающий разум познает мир, но и процесс познания формирует разум», то в ситуации хаоса человек несет в себе хаос идей и его поступки мало прогнозируемы [7, 179].

3. «Человек в цепи циклической причинности» утрачивает чувство единственного темпомира. «Моменты обострения» колебательного контура ведут его к выделению практически всей энергии и «по мере приближения к моменту обострения максимумы интенсивности сближаются... и определяющими для сложной структуры становятся процессы, протекающие в ее центре». Таким образом, «накопление энергии», чреватой взрывом или серией непрогнозируемых поступков, – это повседневная реальность тех, кто оказался в ситуации дряхлеющей нестабильности [7, 185].

Какая главная задача, встающая перед человеком в подобные моменты рубежа-ломки-переориентации? Во-первых, говорят синергетики, – сохранение в себе личностного потенциала. Возможно ли это в ауре осмеянных и пошатнувшихся идеалов? Да, отвечают синергетики, но следует помнить: сохранение себя как личности зависит от умения «раствориться в ситуации» и «диссипировать» вместе с миром. В такие моменты особенно важным оказывается акт творчества – он может выглядеть актом выживания, личностного преобразования, самовоспитания и обретения себя нового.

Поведенческий комплекс. В это время первенствующее значение приобретает момент личностной самоорганизации. Человек должен понять: чтобы было новое – старое должно умереть. В хаосе и только в нем рождается ощущение, что будущее открыто и неопределенно [7, 226]. Неустойчивый мир приводит к непрогнозируемому типу поведения и, в общем, человеку дается зигзагообразный вектор движения. Дело осложняется еще и тем, что он (человек) включается не в линейное, осязаемое пространство-время, а в его извечный, космогонический

вариант, упорядочить который он не в силах [7, 35]. Живя в подобном круговороте, он вдруг осознает, что вчера-сегодня-завтра находятся в одном узле, в одном кулаке и его бифуркационность (то есть постоянно ветвящееся состояние) похоже на развивающуюся крону деревьев. Вот тогда, как и на сломе нами уже подзабытых веков и цивилизаций, особую актуальность приобретают уже известные нам высказывания:

«От будущего веет незаметно ветер» (Ф.Ницше).

«Момент «теперь» удерживает в себе все предыдущие и все последующие ступени развития» (Эдмунд Гуссерль).

«Время имеет свою плотность» (Г.Башляр).

«Ритм накладывает покрывало на реальность» (Ф.Ницше) [7, 21].

Если же задаешься вопросом о перспективах подобных позиций, то, в общем, можно удовлетвориться ответом И.Р.Пригожина: «Всякое сложное образование определяется множеством времен, разветвляющихся одни над другими, согласно их тонким и множественным сцеплениям» [7, 22]. А можно, как советует его сподвижница и ученица Е.Н.Князева, – метафорой Хосе Луиса Борхеса «Сад расходящихся (ветвящихся) тропок». «Сад расходящихся тропок» есть грандиозная шарада, притча, ключ к которой – время», – пишет она. И продолжает: «Это, действительно, красивый образ времени, так как он напоминает древо времени, в котором местами ветви не только расходятся, множатся, но и срстаются, сходятся» [7, 22]. Чем интересно это время? Философ Князева отвечает: «Вечное – это будущее, которое возвращается как прошлое в мир, который блещет новизной» [7, 23].

Удивительно, но все-таки это факт: данные выводы синергетиков совпадают с обобщениями абсолютного большинства космистов (так их называют философы и в частности, Е.Н.Князева), которые писали о «сломе эпох», о концепции человека, рожденного хроно-коловращением и концепте вечного времени, довлеющим в такие периоды над человечеством. Космистами конца XIX – начала XX вв. называются Вл. Соловьев, Циолковский, Бердяев, Булгаков, Федоров, Флоренский, Вяч. Иванов.

Обратимся к работе **«О кризисе гуманизма. К морфологии современной культуры и психологии современности» (1917-1919) Вяч. Иванова** – поэта, философа и критика. Он писал о космогонических сдвигах истории, связанных с революционными событиями в России.

Общая характеристика момента излома характеризуется здесь следующим образом: «Наше стремительное время похоже на реку, свергающуюся бурными порогами, над которыми, как дым над костром, стоит зыбучая водяная пыль, обернувшаяся для глаза облаком...» [4, 103].

В подобной ситуации, говорит Вяч. Иванов мир познает человек, утративший веру и чувство стабильности: «Еще никогда, быть может, не сочеталось в человеке столько готовности на отречение от всего и (...) столько душевной усталости, недоверчивости, равнодушия; никогда не был человек, казалось бы, столь расплавлен и текуч – и никогда не был он одновременно столь замкнут и замурован в своей самости, столь сердцем хладен, как ныне...» [4, 103].

Так рождается понятие «кризис явления», довлеющее над умами и пролонгирующее отчаяние. Все подвергается сомнению и момент «относительности» становится философской доктриной: «Человек еще не забыл того прежнего явления, а между тем не находит его более перед собой и смущается, не узнавая недавнего мира (...). По-новому ощущаются... пространство и время – и недаром адепты не одной философии, но и физико-математических наук заговорили об «относительности» пространства и времени» [4, 103].

Синергетика любит «коловращение» и часто оперирует этим понятием, Вяч. Иванов предпочел представить формулой времени «вихри». Этим словом он назвал один из разделов цитируемой работы и сказал о невероятных трудностях ориентирования в подобном времени-пространстве: «Трудно в наши дни человеку сохранить внутреннюю самостоятельность; трудно ему, если в самом деле жива душа его, – независимо выбирать пути жизненного действия, согласно велениям своей совести...». Здесь же встречаем очередной афоризм космиста, способный объяснить наше современное состояние: «Человечество линяет, как змея, сбрасывая старую шкуру, и потому болеет» [4, 104].

Обозначив признаки кризиса, которые повергают в уныние тезисом «гуманизм умирает», критик задается вопросом, но в чем же все-таки эволюционный смысл исторических и, естественно, «вселенских» катаклизмов? Его вывод колоссален: возможностью очищения, через которое в подобные трудные времена проходят как обыкновенные («маленькие») люди, так и лучшие представители

нации. Особую роль, говорит Вяч. Иванов, в такие моменты играет творчество: «Тут намечается будущее тех очищений, религиозный смысл которых заключается в приятии индивидуальной воли и вины целым человечеством, понятным как живое вселенски-личное единство...» [4, 113].

Таким образом, главными итогом кризиса-хаоса-переориентирования в работе Вяч. Иванова названы даже не отрицание прошлого, не кризис идейности, не ощущение краха, не трагедия хаоса (хотя они и очевидны), а возможность преобразования и очищения, подспудное формирование чувства вселенского единства, возникающего от ужаса происходящего.

Кризисные, но закономерные в истории вселенского миропорядка явления, порождающие неверие и отчаяние, находят свое истолкование и в работе С.Н.Булгакова «Свет не вечерний» (1917). Этот выдающийся ученый и философ-богослов, искусствовед и литературный критик свои наблюдения над революционным временем соотносит с религиозным пониманием катаклизмов, хаоса. Но его выводы, как уже не раз отмечалось в научной литературе, соотносимы не столько с религиозной трактовкой бытия, сколько с диалектикой вселенского миропорядка.

В главе «Человеческая история» названной нами работы центральной оказывается мысль о том, что человеку, ставшему свидетелем «ломки времени», во что бы то ни стало следует переосмыслить себя как во вселенском, так и в историческом времени и пространстве, дарованном ему.

В пору, говорит С.Н.Булгаков, когда «сгущается космическая тьма» [2, 333], объективное время начинает конфликтно осознавать себя в контексте вселенского времени. Сиюминутное время «предполагает начало и конец» [2, 302], а вот «трансцендентальное время неизбежно мыслится как потенциальная бесконечность, не знающая ни начала, ни конца» [2, 302]. Именно об этом нужно помнить «человеку усомнившемуся», он может, говорит философ, откорректировать свое общественное сознание и обратиться к Вечности, дарующей «потенциальную бесконечность», а также чувство извечно существующего порядка. Вот в этом случае искусство начинает демонстрировать принципиально новые качества, но обязательно сориентированные на гуманистические традиции человеческого бытия. Вот тогда у больших талантов, говорит С.Н.Булгаков, и «возгорается тоска по красоте, назревает мировая молитва о Преображении» [2, 333].

Размышляя об искусстве своего времени, осознавая педалированное эстетство модернистов, их ориентированность на право Теурга, критик подчеркивает, что и Теург хорош только в том случае, если софийность, свойственная национальному духу, не будет утрачена им. Следуют обобщения: «Для искусства особенно важна духовная трезвость и самопознание» [2, 333 – 334]; «Не виртуозность художественной техники, не эстетическая магия, но сама Красота является преображающей, софиургийной силой» [2, 334]. Какой же видит С.Н.Булгаков судьбу элитарного искусства и талантливого автора в колеблющемся и неустойчивом мире? Он говорит о смирении и почти о том же, о чем пишут современные синергетики: «Оно (искусство – В.С.) в терпении и с надеждой должно нести крест неутомности в своем алкании и ждать своего часа» [2, 334]. Вот эта, пусть горестная, но уверенность в том, что бытие определяется словом «Вечность» и что сиюминутная поспешность в создании новых, эпатажирующих человека своей «неуемностью» форм приводит только к саморазрушению, делает работу С.Н.Булгакова книгой в чем-то заповедной и универсальной.

Выводы. В них хочется сказать о следующем. Конечно, хаос разрушителен. Нестабильность – коловращение – диссипативность рождает вихревые потоки. Они лишают человека линейной перспективы и затрудняют ориентирование во времени и пространстве. В такие периоды формируется только сиюминутный, спонтанный, но самоорганизующийся «порядок из хаоса». Конечно, хаос не располагает к созиданию, но подталкивает к эксперименту. Он предельно обостряет отрицание, но, тем не менее, не лишает человека права на новый виток познания мира, пребывающего в состоянии своего первичного обновления.

Нестабильное время определяет собой «человек растерянный». Отсутствие однозначной правды и «недоконченные идеи» становятся его судьбой. Тип его поведения с позиций прошлого представления об этике отношений непоследователен; он определяется лихорадочным поиском своего места в меняющемся мире и подчиняется пока что неатрибутированному ценностному ряду. Если он хочет выжить, то ему следует не противостоять хаосу, а диссипировать вместе с ним.

Особенно драматическими оказываются судьбы личностей, так как «следы памяти», связанные с положительным опытом прошлого, довлеют над их сознанием. Но сохранение личностного начала все же возможно – интеллект и совесть нужны в любом обществе. Нестабильное время,

оказывается, просто требует корректировки порыва и жажды самореализации – оно ориентирует человека на смирение и способность обрести себя в «тихом подвиге».

Литература

1. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Изд-е 2-е, испр. – М.: Изд. ЛКИ, 2008. – С.49-57.
2. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 415 с. – (Мыслители XX века).
3. Дмитриева М.С. Синергетика в науке и наука языком синергетики: [Сб.]. – Одесса: Астропринт, 2005. – 184 с.
4. Иванов Вячеслав. Родное и вселенское./Сост., вступ. Ст. и прим. В.М.Толмачева. – М.: Республика, 1994. – 428 с. – (Мыслители XX века).
5. Климонтович Ю.Л. Турбулентное движение и структура хаоса. Новый подход к статистической теории открытых систем./Предисл. М.М. Малинецкого. Изд.2. – М.: КомКнига, 2007. – 328 с.
6. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомыры. – СПб.: Алтейя, 2002. – 414 с.
7. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. – М.: КомКнига, 2007. – 272 с.
8. Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 496 с.

